Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, Vol. 13, Issue 1, 2025, Pp: 173-191
DOI: 10.66224/iarll.25.9
Article No.: 25.92.202502.173191 *Scientific Article*

THE INTERCULTURAL FEATURES OF THE ADDRESSING OF FOLK LULLABIES (based on Russian and Persian languages)

Sadeghi Sahlabad Zeinab[1*]
Associate Professor, Department of Russian Language,
Faculty of Literature, Alzahra University,
Tehran, Iran

Komleva Elena Valerievna[2]
Associate Professor, Orenburg State Pedagogical University,
Orenburg, Russia

(date of receiving: August, 2024; date of acceptance: December, 2024)

Abstract

The article is devoted to the study of the representation of the immanent category of addressability in the texts of folk Russian and Iranian lullabies. The relevance of this study is determined by the need to preserve lullabies through their study and detailed description as part of the cultural heritage. What unites the analyzed lullabies is their address to the child in order to influence him, to calm him down, put him to sleep, create a cozy and safe atmosphere, and strengthen the psychological connection between mother and child. In addition to signs of belonging to different cultures, lullabies also reveal intercultural characteristics, manifested in their intended use not only for the child himself. The range of addressees of the folk lullaby song was expanded to include not only the child, but also supernatural phenomena, the existence of which was believed, from which they tried to protect the child through the text of the lullaby, which sounds like a spell. The text of the lullaby also shows signs of self-addressing, when a mother, left alone with her child for a long time, uses the performance of the lullaby as an opportunity to express her worries and worries, thus getting rid of them.

Keywords: The Category of Addressability, The Lullaby Song, The Speech Influence, The Addressee, The Addresser.

---

1. E-mail: z.sadeghi@alzahra.ac.ir: https://orcid.org/0000-0002-7031-0763

* Corresponding author

2. E-mail: elena.v.komleva@gmail.com; https://orcid.org/0009-0001-4290-9293; 57219025316

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, Vol. 13, Issue 1, 2025, Pp: 173-191
DOI: 10.66224/iarll.25.9
Article No.: 25.92.202502.173191 *Статья научная*

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АДРЕСОВАННОСТИ ФОЛЬКЛОРНЫХ КОЛЫБЕЛЬНЫХ ПЕСЕН (на материале русского и персидского языков)

Садеги Сахлабад Зейнаб[1*]
доцент, кафедра русского языка,
Факультет литературы, Университет Альзахра,
Тегеран, Иран

Комлева Елена Валерьевна[2]
доцент, Оренбургский государственный педагогический университет,
Оренбург, Россия

(дата получения: август 2024 г.; дата принятия: декабрь 2024 г.)

Аннотация

Статья посвящена изучению репрезентации имманентной категории адресованности в текстах фольклорных русских и иранских колыбельных песен. Актуальность данного исследования определяется необходимостью сохранения колыбельных песен через их изучение и детальное описание как части культурного наследия. Объединяет анализируемые колыбельные песни их адресованность ребенку с целью воздействия на него, для успокоения, усыпления, создания уютной и безопасной атмосферы, укрепления психологической связи между матерью и ребенком. Колыбельные песни помимо признаков принадлежности к разным культурам, обнаруживают и межкультурные особенности, проявляющиеся в их предназначенности не только самому ребенку. Круг адресатов фольклорной колыбельной песни расширен включением в него помимо ребенка сверхъестественных явлений, в существование которых верили, от которых старались уберечь дитя через текст колыбельной, звучащий как заклинание. Текст колыбельной песни обнаруживает и признаки автоадресованности, когда мать, оставшись на длительное время одна с ребенком, использует исполнение колыбельной как возможность высказать свои тревоги и заботы, избавляясь таким образом от них.

Ключевые слова: категория адресованности, колыбельная песня, речевое воздействие, адресат, адресант.

---

1. E-mail: z.sadeghi@alzahra.ac.ir: https://orcid.org/0000-0002-7031-0763

* Ответственный автор

2. E-mail: elena.v.komleva@gmail.com; https://orcid.org/0009-0001-4290-9293; 57219025316

Введение

Данная статья посвящена изучению языковой репрезентации имманентной категории адресованности в текстах фольклорных колыбельных песен. Колыбельные песни как фольклорный жанр находились в фокусе изучения различных научных исследователей (Куприянова 2022; Головин 2000; Мартынова 1974; Хафизова 1999; Чистов 1960). Новым в нашем исследовании является сопоставительный анализ реализации категории адресованности в текстах иранских и российских колыбельных песен. Адресованность наряду с такими текстовыми категориями как ситуативность, когезия, когерентность, интертекстуальность, информативность является имманентной текстовой категорией. Адресованность понимается как один из критериев текстуальности, постоянная текстовая категория, без которой не обходится ни один текст (Гончарова 2005.18). С помощью категории адресованности через специальные маркеры в тексте регулируется читательское восприятие (там же). Текст колыбельной песни адресован, главным образом, ребенку, который через содержание текста знакомится с окружающим миром. Ребенок остается главным антропоцентром колыбельной песни, несмотря на продолжающейся генезис этого песенного жанра: сюжеты колыбельных песен приобретают авторство, становятся основой сценариев мультипликационных фильмов для детей, приобретают художественные образы, основанные на различных метафорических переносах, что, безусловно, вызвано требованием времени, развитием средств массовой информации, компьютерных технологий. Нас интересуют, в первую очередь, иранские и русские колыбельные песни, принадлежащие фольклору, запечатлевающие народные истории и традиции. В этой связи нельзя не отметить работу, принадлежащую В. А. Жуковскому, положившему начало изучению колыбельных песен на исследовательском материале, привезенном им из Персии и опубликованном в 1889 г. (Жуковский 1889).

Колыбельные песни исполняются в России и Иране у колыбели с младенцем во время его укачивания. Мотив напева, как правило, однообразный, не отличающийся вокальными всплесками. Колыбельная напевается до тех пор, пока ребенок не заснет. По тематическому принципу в обеих языковых культурах выделяются импровизационные и традиционные колыбельные песни. Наличие двух тематических типов колыбельных обусловлено разными векторами их адресованности. Целью данной статьи является изучение особенностей реализации категории адресованности в указанных типах колыбельных песен. Несмотря на то, что тексты колыбельных песен создаются для ребенка, и, как следствие, должны иметь единичного адресата – ребенка, анализируемый нами аутентичный текстовый материал позволяет говорить о расщеплении вектора адресованности в зависимости от усложнения сюжета колыбельной песни.

Тексты традиционных колыбельных песен, передающиеся как фольклорное наследие из поколения в поколение, рассказывают об обстановке, окружающей ребенка, родственниках, знакомя, таким образом, ребенка, как основного адресата, с окружающим его миром. Тексты импровизационные содержат богатый для исследования материал, рассказывающий о быте самой матери, о ее психологическом состоянии, о повседневных заботах (Комлева 2003). Независимо от принадлежности текстов колыбельных к первому или второму типу, их исследование невозможно без обращения к общему культурному контексту, который определяет дискурсивные особенности данных текстов.

Основная часть

Обе разновидности колыбельных песен, присутствующие в фольклорных речевых континуумах Ирана и России, отражают общие темы заботы о детях, надежды на их лучшее будущее. Адресантом колыбельной песни является

мать ребенка, которая в текстах колыбельных песен раскрывает, помимо материнства, и иные стороны своей жизни, а именно выступает как жена, хозяйка. Колыбельные сопровождаются мягкой монотонной мелодией. Российская и Иранская культуры ценят колыбельные песни как часть культурного наследия, в котором запечатлены описания природы, ее красоты и гармонии, что отражает стремление матери создать для своего ребенка безопасное и уютное окружение в родном краю. В текстах колыбельных прослеживаются мотивы религиозной веры и надежды на защиту высших сил, которые передаются ребенку через текст колыбельной песни. Приведем пример иранской колыбельной, подтверждающий это утверждение:

«Баю, баю, баю колыбельная,
Пусть Мула держит тебя!
Баю баю, пусть Бог тебе в помощь!
Пусть Посланник Аллаха защитит тебя!
Пусть бережет твою голову и душу!» (Мохаджери 2012. 23).

Исследовательский материал показывает, что тема защиты ребенка с помощью религиозной веры чрезвычайно распространена в иранских колыбельных песнях:

«Баю-баю, Азизуллах,
Ручка в руке, иди к мулле.
Прочти буклет слова Аллаха.
Храни тебя Аллах!» (Мохаджери 2012. 22).

На материале русского языка мы обнаруживаем также многочисленные примеры колыбельных песен, в которых упоминается Создатель как защитник и самый важный учитель

«Нынче Господу молись,
Уму-разуму учись,
Баюшки, баю.

В церковь Божию ходи
И со всеми мир веди,
Баюшки, баю» (Колыбельное богословие).

Прямая обращенность к ребенку по имени присуща иранским и российским текста колыбельных песен. Обращенность при этом всегда ласковая, например, «милое дитя», «Сережа», о чем свидетельствует отрывок из следующего текста:

«Спи-ко милое дитя,
Да укачаю я тебя, -
Сережа выспится,
Не капризница…» (Куприянова 2022. 99)

Прямая обращенность к ребенку в текстах иранских и русских колыбельных песен часто осуществляется не только через называние имени ребенка, но и через метафорические наименования, адресованные ему. Мать в текстах иранских колыбельных обычно обращается к малышу как к драгоценному сокровищу, дару от Бога, сравнивая при этом ребенка с цветком. Приведем в качестве примера отрывок персидской колыбельной песни, перевод которой сделан В. А. Жуковским:

«Баю-баю ты будешь моим цветком.
О Господи, да останешься ты всегда!
Бай-баю цветок «насрани»
О господи, да останешься ты в живых!..» (Жуковский 1889. 14)

В следующих ниже примерах из иранских колыбельных песен прямое обращение к ребенку также имеет метафорическое сравнение с цветами тюльпана и тмина:

«Баю-баю, цветок тюльпана,
Моё сердце радуется твоей любви,
О Господи, да останешься жив ты всегда!
Останешься десять лет, останешься сто лет!» (Мохаджери 2012. 22).

«Баю-бай, баю-бай, цветок тмина,
Почему ты не спишь?» (Мохаджери 2012. 25).

Русские колыбельные песни показывают традицию метафорического наименования ребенка при обращении матери к нему. Например, ребенок сравнивается со свечой, которая, как известно, является символом жизни и веры, но прямая обращенность к ребенку по имени при этом сохраняется:

«Спи-ко Юлечка моя,
Качает бабушка тебя.
У меня Юлечка-то спит,
Словно свечка горит» (Куприянова 2022. 59).

Прямая обращенность к ребенку через метафорическое обращение является обшей характеристикой русских и иранских колыбельных песен. Хотя можно отметить, более частотное называние в русских колыбельных песнях ребенка по имени, что реже встречается в иранских текстах колыбельных песен.

Как в иранских колыбельных песнях, так и в русских, часто развивается тема защиты и заботы о ребенке с помощью сверхъестественных сил. Э. С. Литвин справедливо указывает в этой связи на тексты русских колыбельных, персонажами которых являются Сон, Дрема, Угомон. Мать

через песню призывает их прийти к ребенку (Литвин 1972). Образам фантастических сверхъестественных существ придаются конкретно-реалистичные формы, что, по всей видимости, связано с картиной мира самой матери, с бинарностью представления мира, в котором существует деление на мир этот и тот, мир иной, сверхъестественный. Мать, нуждающаяся в помощнике, ищет его в ином мироизмерении, призывая прийти ей помощь. В тексте появляются и персонажи, которых не видела сама мать, но она, как простой человек с бинарным мировоззрением, верит в их существование и обращается к ним через текст своей песни, призывает их к своему младенцу. Такими персонажами, помимо уже названных выше (Сон, Дрема, Угомон), являются кот, собака, бабай, бадяй. Приведем пример из русской колыбельной песни, в которой содержится прямая обращенность к фантастическому персонажу, к которому автор песни обращается по-разному («Котенька-коток», «серенький лобок», «котя»):

«Котенька-коток,
Ой ты, серенький лобок,
Поди, котя, ночевать,
У нас Васеньку качать» (Куприянова 2022. 59).

В персидских колыбельных также на помощь матери приглашаются животные и птицы для укачивания ребенка:

«Ну же, куропатка, попой за домом,
Да унесет сынка моего спокойный сон…» (Жуковский 1889. 20)

Не только к птицам и животным, но и к явлениям природы обращается мать за помощью укачать ребенка. При этом наименования природы получают обращение в виде нейтрального наименование «ветер» и ласкового олицетворенного наименования «ветерочек»:

«Ветер, ветер, ты могуч,
Ты гоняешь стати туч.
Ветерочек подувай,
Мне сына укачай» (Куприянова 2022. 99).

Исследовательский материал на персидском и русском языках дает отчетливое представление о том, что мать использует исполнение колыбельной как защиту младенца от злых сверхъестественных сил. Следующие ниже примеры представляют исследовательских интерес тем, что указывают на иного адресата – злую сверхъестественную силу, от которой мать стремиться защитить ребенка, обращаясь к ней через текст колыбельной песни. Так, одним из представителей такой силы является котонай, с которым мать общается с помощью колыбельной песни:

«Да не ходи к нам, котонай.
Баю-бай, баю-бай,
Да нашу Дашу не пугай.
Приди, котя, вечерком
Да напоит Даша чайком…» (Куприянова 2022. 103)

К числу изгоняемых персонажей колыбельных, обозначаемых прямым обращением помимо кота, котоная, относится бука:

«Ходит бука по сараю,
Говорит, что я Сашу напугаю.
Не ходите, буки, к нам,
Я вам Саши не отдам…» (Куприянова 2022. 105).

Обращение матери к сверхъестественным силам с целью защиты собственного дитя свидетельствует о вере матери в то, что она может

выступить своеобразным коммуникативным посредническим каналом между сверхъестественными силами и младенцем. При этом сам младенец обозначается третьим лицом единственного числа, что меняет ракурс адресованности: песня для младенца становится песней о младенце, в которой он – предмет коммуникации, организованной матерью. В подобных колыбельных мать переносит ребенка из мира реального в мир сверхъестественный. В этом мире она наделяет себя ролью оберега, способного защитить свое дитя от любого внешнего воздействия. Приведем в качестве примера отрывок из текста колыбельной в переводе В. А. Жуковского:

> «Уходи бирюк… уходи бирюк полевой.
>
> Ты от сынка моего чего хочешь?
>
> Ведь сынок мой имеет отца,
>
> Слово муллы имеет на голове,

Слово муллы имеет на груди…» (Жуковский 1889. 17). Отметим, что принимая переводы В. А. Жуковского как ценный материал для сопоставительного анализа, в оригинальном тексте колыбельной песни вместо «Слово муллы» содержится «Слово Аллаха».

Интересным является тот факт, что в качестве злых, изгоняемых из жизни ребенка персонажей текстов колыбельных, помимо сверхъестественных существ, встречаются и живущие в реальном мире. Сюда относятся кот, котонай, попугай, бука, бегемот, собака и другие. Аналогичные примеры прямой адресованности к реальным и сверхъестественным существам мы находим в текстах персидских колыбельных песен. В примере ниже в качестве существа, от которого надо защитить дитя упоминается собака как животное из реального мира:

«Баю-бай, баю-бай, цветок орегано,
Собака подошла к двери,
Я прогнал собаку…» (Мохаджери 2012. 77).

Несмотря на единообразие сюжета традиционной фольклорной колыбельной песни, в котором описываются явления природы, окружающие предметы, рассказывается о родственниках, исследователи колыбельных давно подметили тенденцию усложнения сюжета колыбельной песни, что проявляется в отражении в тексте жизни самой матери (Ветухов 1892). Такие песни относятся уже не к детскому фольклору, а являются «лирикой материнства» (Ветухов 1892). Для простой женщины, вскармливающей ребенка, занимающейся физическим трудом, домашним хозяйством, имеющей большую семью, в которой есть старики и другие дети, исполнение колыбельной песни также является временем для короткого отдыха, а текст колыбельной – возможностью рассказать о собственных чувствах, заботах, мечтах о лучшем будущем для своего младенца. В этой связи интересна точка зрения Г. Виноградова, называющего колыбельные песни особым жанром материнской поэзии (Виноградов 1926). Приведем пример из русской колыбельной песни:

«Спи-ко, дитятко, покрепче,
С тобой некому водиться:
Нету няньки нанятой,
Да нету баушки одной….
В няньки я к тебе звала
Ветра, солнце и орла» (Куприянова 2022. 99)

В анализируемом отрывке прямая обращенность к ребенку «дитятко», как к милому беззаботному существу, контрастирует с тяжелой жизнью самой

мамы, которой некому помочь, т.к. нет «няньки нанятой» и «баушки одной», из-за чего в помощники призывались ветер, солнце и орел.

Автореферентность как самовоспроизведение матерью самой себя, своего образа жизни в тексте колыбельной не выдвинута на первый план повествования. Основное содержание подчинено описанию окружающего мира, нового и неизведанного для ребенка. В песенное повествование матери входят животные, живущие рядом (кошка, птицы: голуби, воробей, маленький бычок). Мать создает милый ребенку, безобидный образ внешней картины мира, но постепенно сюжет усложнятся, т.к. в нем отражается непростой внутренний мир матери. Лирика материнства в колыбельной песни возникает, так или иначе, на основе традиционной колыбельной песни через осложнение ее содержания, расширение сюжетной линии текста. Сюжет песни часто усложняется тем, что мать, рассказывая о своем внутреннем мире, адресует свой рассказ не ребенку или не только ребенку, но себе самой, так как ребенок в силу еще ограниченных познавательных возможностей не может воспринять смысл ее слов, он реагирует на звук голоса матери.

Лирика материнства свойственна и иранским колыбельным. Светлые и мрачные стороны жизни матери-персиянки также проявляются в текстах ее импровизационных колыбельных песен, с помощью которых мать раскрывает свою душу. Подобные откровения также обладают признаками автоадресованности, поскольку лишены адресата, у которого они могут вызвать рефлексию. Ребенок в силу ограниченных когнитивных возможностей может реагировать только на родной голос матери, важный для ощущения ее близости. Приведем пример из персидской колыбельной песни:

«Усни, сын мой, твой дядя пришел в дом

<…>

Да унесет тебя хороший сон, чтобы я пошла за водой.

Пока я приду и принесу воды, ты спи.

Да унесет тебя хороший сон, чтобы я пошла за дровами.

Я принесу дров-желудей и колючки гина.

<…>

Усни. Сын мой, стадо пришло на дойку.

Баюшки, дорогой мой, дорогой мой,

Усни, сынок мой, я встану просею муку…» (Жуковский 1889. 17)

Подобные импровизированные колыбельные песни, адресованные, на первый взгляд, ребенку, адресованы самой матери. Автоадресованность имеет для нее особое значение. Отсутствие близкого человека в качестве собеседника, с которым можно поделиться деталями своей жизни, необходимость иметь свое личное речевое пространство, не бояться быть неправильно понятой, возможность высказать свои эмоции, чтобы с ними легче справиться, еще раз пережить положительные впечатления, услышать детали своей жизни, пусть даже от самой себя, важны для мировосприятия женщины. В автоадресованных текстах персидских колыбельных затрагиваются и более сложные личные переживания, вызванные разлукой с мужем, что передается через метафорические образы любимого человека, сравниваемого с розой. Приведем в качестве примеров отрывки иранских колыбельных песен:

«Роза ушла из рук, остался шип.

Осталось мне много горести и муки.

Остался у меня на руках грудной ребенок.

Все это осталось на память о друге» (Жуковский 1889. 30)

«Баю-баю, баю-бай, мой цветок райский,

Баю-баю, баю-бай, ты был моей судьбой,

Я написала письмо твоему отцу,
Я положила цветок от твоего имени в страницы письма»
(Мохаджери 2012. 68).

Помимо общих межкультурных характеристик адресованности к ребенку в иранских и русских колыбельных нельзя не упомянуть о том, что исследуемые тексты обнаруживают и уникальные этнические особенности, отражающие культурные и исторические контексты каждой страны, о чем свидетельствуют яркие примеры:

«Баю-баюшки-баю,
Живет барин на краю, –
Полна горенка ребят
Все в окошечки гладят,
Кашу масляну едят… (Куприянова 2022. 94).

В данном фрагменте прослеживается указание на сословные российские реалии того времени – зажиточная жизнь в барском многодетном доме, где для каждого ребенка есть каша с маслом, на что не могли не обратить внимание простые крестьянские женщины. О простом быте иранской женщины свидетельствует и отрывок из текста колыбельной, уже рассмотренный выше. В этом отрывке рассказывается о быте простой женщины-матери. Ей нужно принести воды, сходить за дровами, набрать дров-желудей и колючки гина, подоить корову, просеять муку (Жуковский 1889. 17).

Заключение

Завершая рассмотрение круга вопросов, связанных с межкультурными особенностями языковой репрезентации категории адресованности в текстах иранских и русских колыбельных песен, можно сделать ряд выводов. Понимая

адресованность как один из имманентных признаков текстуальности, с помощью которого регулируется читательское восприятие, обозначается предназначенность текста определенному адресату, следует отметить главную адресованность текстов иранских и русских колыбельных песен ребенку. Содержание текстов колыбельных обнаруживает и общую тематику – погружение ребенка в реальный мир, его религиозное воспитание. Исполнение колыбельной песни, осуществляемое, в первую очередь, матерью, уплотняет психологическую связь матери и ребенка. Тексты колыбельных песен в иранском и русском речевых континуумах создаются для ребенка, являющегося главным адресатом. Однако персидский и русский исследовательский материал дает отчетливое представление о расщеплении вектора адресованности текстов колыбельных песен и появлении иных адресатов.

Наличие разных адресатов в русских и персидских текстах колыбельных песнях, обусловлено тремя разновидностями их содержания. Данные разновидности позволяют выявить три типа колыбельных песен. Первый тип можно обозначить как традиционные колыбельные, рассказывающие об окружающем реальном мире, предназначенные ребенку как основному адресату. Ребенок при этом обозначается прямым обращением по имени или приобретает ласковое метафорическое наименование. Второй тип текстов колыбельных песен отличается импровизационным характером, повествует о жизни матери, ее заботах и переживаниях, не всегда напрямую связанных с материнством. Такие тексты адресованы самой матери – исполнительнице колыбельной. Вербализация собственных переживаний позволяет ей взглянуть на них со стороны, отторгнуть их от себя, сделать отчужденными, уменьшить собственное причастие к ним.

Третий тип колыбельных песен, также отличающийся импровизированным характером, адресован явлениям природы, животным, птицам, добрым и злым,

реальным и сверхъестественным существам. При этом добрых существ мать просит о помощи, а от злых существ пытается уберечь ребенка, обращаясь к ним в текстах своих песен. Мать умоляет злых существ пощадить ребенка, запугивает их тем, что у ребенка есть сильный отец и другие родственники. Важно, что все выявленные разновидности адресатов: сам ребенок, животный мир, явления природы, сверхъестественные существа, автоадресованность матери к себе самой, присутствуют в иранских и русских колыбельных песнях, объединяя их как межкультурные соответствия. Несмотря на наличие межкультурных соответствий, тексты колыбельных песен содержат и этнокультурные особенности, высвечивающие традиции, обычаи, исторический уклад каждого народа.

Литература

1- Ветухов А. В. (1892). *Народные колыбельные песни* // *Этнографическое обозрение*. М.: Изд-во Скоропеч А.А. № 1. С. 131-164.

2- Виноградов Г.С. (1926) *Народная педагогика (Отрывки и на броски*). – Иркутск: Вост.– Сиб. отделение Русского географического общества. 30 с.

3- Джавид Х. (2004). *Дущевные звуки* // *Сборник иранских колыбельных*. Тегеран: Сурее Мехр. 142 с.

4- Головин В.В. (2000). *Русская колыбельная песня в фольклоре и литературе.* Турку: Åbo Akademi University Press. 451 с.

5- Гончарова Е. А. (2005). *Интерпретация текста.* М.: Высшая школа. 368 с.

6- Жуковский В. А. (1889) *Колыбельные песни и причитания оседлого и кочевого населения Персии* // ЖМНП. № 16. 34 с.

7- Комлева Е. В. (2024) *Языковая репрезентация концепта «Родина» в тексте колыбельной песни как жанре педагогического дискурса* // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2024. Т. 12. № 1 (23). С. 129-145

8- Куприянова С.О. (2022). *Убаюкивание как культурная практика или о волчке на краю*. – СПб.: Пропповский центр. 288 с.

9- Литвин Э.С. (1972). *Песенные жанры русского детского фольклора*. СЭ. №1. С. 59.

10- Мартынова А.Н. (1974). *Опыт классификации русских колыбельных песен.* СЭ. №4. С. 102.

11- Мельников М.Н. (1987). *Русский детский фольклор*. М.: Просвещение. 240 с.

12- Мохаджери З. (2012). *Фисташковый цветок* // Сборник персидских колыбельных. Мешхед: Бехнашр. 132 с.

13- *Тексты и переводы песен* URL: https://learnsongs.ru/song (дата обращения: 02.11.2023)

14- Хафизова Л.Р. (1999). *Персонажи колыбельных Русского Севера* // Живая старина. №1. С. 19-21.

15- Чистов К.В. (1960). *Русская причеть* // *Причитания. Библиотека поэта.* Л.: Изд-во Советский писатель. С.7-14

16- *Колыбельное богословие.* URL: https://pravsarov.ru/content/publication (дата обращения 01.09.2024)

Bibliography

1- Vetuhov A. V. (1892). *Narodnye kolybel'nye pesni // Etnograficheskoe obozrenie.* M.: Izd-vo Skoropech A.A. № 1. S. 131-164.

2- Vinogradov G.S. (1926) *Narodnaya pedagogika (Otryvki i na broski)*. – Irkutsk: Vost.– Sib. otdelenie Russkogo geograficheskogo obshchestva. 30 s.

3- Javid H. (2004). *Soulful sounds // Collection of Iranian lullabies*. Tehran: Suree Mehr. 142 p.

4- Golovin V.V. (2000). *Russkaya kolybel'naya pesnya v fol'klore i literature*. Turku: Åbo Akademi University Press. 451 s.

5- Goncharova E. A. (2005). *Interpretaciya teksta*. M.: Vysshaya shkola. 368 s.

6- Zhukovskij V.A. (1889) *Kolybel'nye pesni i prichitaniya osedlogo i kochevogo naseleniya Persii* // ZhMNP. № 16. 34 s.

7- Komleva E. V. (2024). *Yazykovaya reprezentaciya koncepta «Rodina» v tekste kolybel'noj pesni kak zhanre pedagogicheskogo diskursa* // Issledovatel'skij zhurnal russkogo yazyka i literatury. 2024. T. 12. № 1 (23). S. 129-145

8- Kupriyanova S.O. (2022). *Ubayukivanie kak kul'turnaya praktika ili o volchke na krayu*. SPb. Proppovskij centr. 288 s.

9- Litvin E.S. (1972). *Pesennye zhanry russkogo detskogo fol'klora*. SE. №1. S. 59.

10- Martynova A.N. (1974). *Opyt klassifikacii russkih kolybel'nyh pesen*. SE. №4. S. 102.

11- Mel'nikov M.N. (1987). *Russkij detskij fol'klor*. M.: Prosveshchenie. 240 s.

12- Mohajeri Z. (2012). *Pistachio flower // Collection of Persian lullabies*. Mashhad: Behnashr. 132 p.

13- *Teksty i perevody pesen,* URL: https://learnsongs.ru/song (data obrashcheniya: 02.11.2023)

14- Hafizova L.R. (1999). *Personazhi kolybel'nyh Russkogo Severa //* Zhivaya starina. №1. S. 19-21.

15- Chistov K.V. (1960). *Russkaya prichet' // Prichitaniya. Biblioteka poeta*. L.: Izd-vo Sovetskij pisatel'. S.7-14.

16- *Kolibelnoe bogoslowie* URL: https://pravsarov.ru/content/publication (data obrashcheniya: 01.09.2024)

HOW TO CITE THIS ARTICLE
Sadeghi Sahlabad Zeinab/Komleva Elena Valerievna (2025). THE INTERCULTURAL FEATURES OF THE ADDRESSING OF FOLK LULLABIES (based on Russian and Persian languages). *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, 13*(1), 173-191.
DOI: 10.66224/iarll.25.9
URL: https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/330

ویژگی‌های بینافرهنگی مخاطب‌محوری لالایی‌های عامیانه
(بر اساس زبان‌های روسی و فارسی)

زینب صادقی سهل‌آباد[1*]
دانشیار گروه زبان روسی، دانشکدهٔ ادبیات، دانشگاه الزهرا(س)،
تهران، ایران.

یلنا والری‌یونا کوملوا[2]
دانشیار دانشگاه دولتی تربیت معلم اورنبورگ،
اورنبورگ، روسیه.

(تاریخ دریافت: اوت ۲۰۲٤؛ تاریخ پذیرش: دسامبر ۲۰۲٤)

چکیده

این مقاله به بررسی بازنمایی مقولهٔ ذاتی مخاطب‌محوری در متون لالایی‌های عامیانهٔ روسی و ایرانی می‌پردازد. اهمیت این پژوهش از ضرورت حفظ لالایی‌ها از طریق مطالعه و توصیف دقیق آنها به عنوان بخشی از میراث فرهنگی ناشی می‌شود. لالایی‌های تحلیل‌شده در مخاطب قرار دادن کودک با هدف تأثیرگذاری بر او، آرام کردن، خواباندن، ایجاد فضایی راحت و امن، و تقویت پیوند روانی بین مادر و کودک مشترک هستند. لالایی‌ها علاوه بر نشانه‌های تعلق به فرهنگ‌های مختلف، ویژگی‌های بینافرهنگی را نیز نشان می‌دهند که در کاربرد آنها آشکار می‌شوند. دایرهٔ مخاطبان لالایی‌های عامیانه، با گنجاندن پدیده‌های ماوراءالطبیعه که به وجود آنها اعتقاد داشتند، گسترش یافته و سعی شده است از طریق متن لالایی که مانند طلسم به گوش می‌رسد، کودک را از آنها محافظت کنند. متون لالایی همچنین نشانه‌های خودمخاطبی را نیز نشان می‌دهند؛ زمانی‌که مادر برای مدت طولانی با فرزندش تنها می‌ماند و از اجرای لالایی به‌عنوان فرصتی برای بیان نگرانی‌ها و دغدغه‌های خود استفاده می‌کند و بدین ترتیب از شر آنها رهایی می‌یابد.

واژگان کلیدی: مقولهٔ مخاطب‌محوری، لالایی، تأثیر گفتاری، مخاطب، گوینده.

---

* نویسنده مسئول
1. E-mail: z.sadeghi@alzahra.ac.ir: https://orcid.org/0000-0002-7031-0763
نوع مقاله: علمی- پژوهشی
2. E-mail: elena.v.komleva@gmail.com; https://orcid.org/0009-0001-4290-9293; 57219025316